

пока на ЗЕМЛЮ

валит

СНЕГ

Руслан ЛАНГАЕВ

Руслан Лангаев

Пока на землю валит снег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70231354

SelfPub; 2024

Аннотация

Наступила зима, до Нового года остается совсем немного времени. На заснеженных улицах, домах, квартирах, магазинах люди суетятся. Так было всегда, так есть сейчас и так будет потом...

Руслан Лангаев

Пока на землю валит снег

Косой густой пушистый снег валил на усталый город. Серый панельные дома погружались в эту долгую зимнюю ночь. То в этом окне, то в соседнем, то в том, что в другой части многоквартирного дома, то в окне посередине того дома, что рядом стоит, жители украшали окна разноцветными огоньками-гирляндами. Красные – синие – желтые – зеленые. Как же приятно моргали эти цвета. Цвета милые с самого детства, когда отец с матерью, еще молодые, наряжали этими самыми или похожими гирляндами елку, стенку, окна, печку...

Школа уже несколько дней, как закрыта. Все ученики сдали хвосты и весело убежали на новогодние каникулы. Большое центральное крыльцо, входная группа, панельное с маршевой широкой лестницей, с длинными периллами, а сзади с панорамными окнами, всё завалило воздушными сугробами рыхлого снега. Перед входной группой простиралась достаточно просторная площадь, на которой старшики прощались с самыми чудесными годами своей прекрасной жизни, а малыши впервые ступали с нее на порог школы и их ожидали впереди десять незабываемых на всю жизнь лет. Но сейчас же весь асфальт был завален ровным, как по нивелиру, уровнем снега, который с каждой новой секундой всё повышал-

ся и повышался. По дальним краям этого прямоугольника стояли два одиноких фонаря – единственные источники материального света в данном контексте пространства-времени. Тишина стояла практически стерильная – только тихое падение нежных снежинок с плачущих небес, да медленное стальное поскрипывание фонарей на зимнем штиле немного разрывало полуночное молчание некогда шумной, оживленной, наполненной детским веселым радостным смехом городской улицы.

Он; в черной адиковской короткой куртке, зауженных спортачах, тонких классических кедах на босу ногу – а была зима – , да легкой педорке с пумпоном; сутулясь от легкого холода, практически на цыпочках продиагоналил площадь, легко взбежал на высокое крыльцо и остановился, облокотившись на перила и уставился в эту бесконечную зимнюю ночную метель.

Он не рассчитывал на одиночество, а явно кого-то или чего-то ждал.

Так же тихо, как и пришел пацан, как будто ниоткуда материализовался мужик средних лет, ну как будто не совсем, но немного старше того, что появился первым, а может так показалось из-за странной облезлой дубленки и кислой меховой шапки, завязанной веревочками сверху, да протертыми от тяжелой работы новомодными , когда-то, светлыми джинсами, да совершенно на это время неуместными ботинками, гробами, что ли или как их давно называли. Второй все-таки

был наверно того же возраста, что и первый, но только больше работал, больше постарел, больше изнашивался, наверно.

Вновь прибывший улыбнулся и, подойдя к первому, так же облокотился на перила и уставился вдаль, пытаясь взглянуть в этот забытый город или разглядеть в нем что-то, что-то знакомое только ему. В руках он держал старый потертый не то красный, не то коричневый, не то оранжевый чемодан.

– Я помню, когда я увидел это место впервые, – с какой-то немного грустью сказал тот, что был в меховой шапке, – тогда и асфальт вроде был другой, тогда и краска на фасадах была не та, что сейчас, да и свет был другой, ламповый, не то что сейчас, кругом одни светодиоды, но чувства мои все те же, как и тогда.

Он передал тому, что на спорте, наверно, на спорте, свой задрипанный чемодан и, нежно, положил руку ему на плечо:

– Что у на осталось то, кроме этого?

Спортивный отвел от него взгляд, держась за чемодан, отвел взгляд на заматаемую пушистым снегом площадку перед школой, а когда обернулся, то второго уже и след простыл, а он так и остался стоять посреди крыльца, заматаемого снаружи нескончаемым снегом.

***

Спортивный спокойно поднимался по этажам старой советской панельки.

Пятый этаж для простых смертных.

Пацан зашел в совершенно простую классическую квартиру: прихожая, как везде, прямо кухонька маленькая, направо так называемая зала, слева туалет и ванна отдельно.

Он скинул белые летние кроссы (а была зима), повесил легкую куртеичку на старую вешалку и прошел в гостиную.

Он здесь так и не успел ничего еще поменять.

Сколько лет прошло.

На этой квартире он не был наверно лет пять. Или десять.

И дом не особо надежный, и квартирка тесная маленькая. А сколько воспоминаний? Сколько всего случилось в жизни здесь в первый раз? А потом вот ты уже и взрослый.

Спортивный посидел немного в старом советском рыжем матерчатом кресле на деревянных ножках, подошел к окну, отодвинул старую закрахмаленную тюль, посмотрел на заснеженный двор, затем ушел в прихожую.

Здесь он долго копался в узенькой темной кладовой, затем достал потертую рваную длинную картонную коробку и оттащил ее в зал. Уже теперь небрежно разорвал ее и оттуда вывалились старые пластиковые еловые ветки. Аккуратно собрал каркас, вставил все зеленые веточки на свои места, как он считал, и повесил немногочисленные оставшиеся шишки.

***

Мужик в меховой шапке уже купил подарок своей жене и сыну-балбесу в новомодном супермаркете на центральной городской улице.

Просторная широкая, не сказать, чтоб уж прям проспект, но и три машины свободно разъедутся, улица. Да и машин то не много, в основном техника, да городские старые рейсовые, да и те стали ходить то так-то сляк, то никак. Да, время такое пришло, что приходится теперь жить каждому так, как он может. С войны у людей не было такого чувства неопределенности в завтрашнем дне и многие уже сломались. Но многие и продолжали вертеться – крутиться. Но теперь, совсем немного оставалось до Нового года и на это время многие думки и заботы уходили на второй план, ведь хотя бы на это время и так по-традиции сложилось, люди забывали (понарошку) обо всем нехорошем, что было в жизни и говорили, что в следующем году уж точно будет лучше.

По ту и другую сторону улицы, а точнее уж, городской дороги, стояли многоэтажки с магазинами в первых этажах. Но стояли так, что неба не закрывали. На улице была прекрасная погода. Легкий мороз, свежий воздух, мелкие на зимнем ветру снежинки превращаются в паргелий на ясном небе, голые березки еще в инее.

Совсем-совсем недавно стали появляться западные игрушки и вот такую-то Мужик в шапке и купил. Большую железную дорогу. Нам, конечно, бывшим советским гражданам таких игрушек было не понять, но жена захотела клипсы, кухонный комбайнер и видак...

Вся улица, и дорога, и тротуары, и ступеньки магазинов, и пятаки возле уличных торговцев ширпатрепом, и все вокруг

было заполнено людьми.

Одни тащили елки, срубленные в лесу, хотя уже с этим начинали поджимать, но в то время было очень непросто и на такие вещи тогда еще закрывали глаза. Другие тащили из подвалов домов или гаражей мешки с картошкой, морковкой, свеклой, соленьями-вареньями, компотами; в общем со всем что было осенью заготовлено на зиму и теперь дождалось своего часу. Оные, особливо, мужики, уже начинали праздновать и навеселе встречали друг дружку, знакомых и громко и весело обсуждали уходящие, остающиеся еще в этом году события, заботы и печали.

Да, появляться новое появлялось, но все-равно еще много-много чего было старинного. Украшения, Советские гирлянды, мишура, пенопластовые Дед Мороз со Снегуркой – и много-много чего еще того, что уже не один десяток лет в это время доставалось с высоких антресолей, из глубоких кладовок, длинных забитых хламом балконов, вместительных гаражей.

Мужик в шапке ненадолго задержал взгляд на всяческих безделушках и направился с подарками в сторону квартиры. Дом его находился на окраине района, возле пруда перед лесной куртиной, на которые открывался сейчас прекрасный зимний вид, если бы только перед ними не стояли особняком гаражные массивы, из каждого которых валил дым. Мужики здесь уже всюю провожали старый год паленой водкой и сеvuшной самогонкой.

Мужика в шапке завидели весельчаки из бригады и замотали ему руками, зазывая к себе. Мужик все-таки решился заскочить в гараж на пару рюмочек...

Долго он задерживаться в теплых гаражах, топящихся группками, не стал. Он, среди немногих, не сломался, а встал и пошел дальше, завтра нужно было на работу, Новый год еще не наступил, так что расслабляться было рано... Покой нам только снился...

Он поднялся на верхний этаж, зашел в засаленную, наспех украшенную вырезанными снежинками и гирляндами, коммуналку и вошел на большую общую кухню, где стояло пять отдельных обеденных столов.

Он, заварил сразу в железную кружку сладкого черного купеческого чая, присел у замерзшего морозными узорами окна и, пригревшись у еле теплой батареи, забылся в своих мыслях.

Еще никого не было в доме, еще ходили за украшениями, рубили елки, покупали подарки и, как мы уже видели, начинали праздновать, кто в гаражах, кто на пустыре... А на улице уже смеркалось, весь город погружался в ночь, хоть фонари еще и не спешили включаться. В полумраке на кухне он сидел один, но вдруг почувствовал, что кто-то тихо дышит с той стороны маленького столика и смотрит прямо на него. Он невольно повернул голову – перед ним сидел мужичек, снявший с головы потрепанную фуражку, одет он был в военную гимнастерку на морскую тельняшку и галифе, на но-

гах еще сапоги, так носили в послевоенные годы, донашивали еще солдатскую одежду.

– Не бойся, я свой! – тихим бархатным голосом сказал мужичек и улыбнулся.

Ему было ну уж точно не больше тридцати, а то и меньше, но, естественно, на нем остался неизгладимый отпечаток ужаса войны, так что он выглядел на полтинник, не меньше. Но улыбался так, что сразу ему доверялось, будто он тебе роднее самого себя. И такие добрые глаза у него были и такие знакомые, что Мужика у окна аж чуть слёзы не навернулись на глазах. Но моряк показал ему знак, привстал и подвинул ему старый темно-коричневый чемодан. Ненадолго мужик задержал взгляд на чемодане, а когда посмотрел обратно на моряка, тот уже стоял в дверном проеме. Мужик бросился к нему и обнял, лишь на мгновенье, а когда очнулся от этого миража, то моряка уже и след простыл.

Чемодан остался стоять посреди комнаты.

Раздался неторопливый стук в дверь.

***

Спортивный быстро сбежал вниз по ступенькам и выбежал на мороз. Всё небо затянуло, солнце почти не было видно, снег так долго валил, а потом оттепель, а потом опять заморозки – город просто встал, – такое количество машин просто не могло ехать, вся дорога превратилась в лёд, покрытый мулякой, так что без полного привода обойтись было тяжело. Снега уже не было дня два, а то и три. А ветерок

поддувал. Погода была, скажем так, не новогодняя.

На сегодня у него были большие дела, точнее большое дело, последнее дело, которое изменить всё и после нового года всё пойдет иначе. Спортивный прогрел свой старенький сарай на колесах и запрыгнул с холодной улицы в мягкое кресло.

Он проехал через весь район, забрал своего кента в частном секторе и далее они двинулись из города по зимней дороге через лесной массив.

– Ну что братан, готов? – на пассажирское кресло уселся двухметровый детина в патриотическом костюме, лысина вся в шрамах, с полуметровой рыжей бородой, на широких пальцах печатки с драгоценными камнями.

– Всегда готов, – зловеще улыбнулся своей фирменной спокойной улыбкой спортивный, такой улыбкой, которой хотелось доверять.

Они заехали в заснеженную чащebu, куда только вездеход мой дойти и вышли из машины, потирая кулаки.

Через минут десять подъехал прадик и оттуда вышли трое в дорогих костюмах.

***

Вот и город стоял перед ним уже почти отстроенный после бомбардировок и артобстрелов, только совсем немного старых довоенных домов еще напоминали о войне.

Зима была хороша, морозная, снежная, солнце яркое светило высоко в небе.

На новый год весь город уже по традиции суетился, шампанское теперь было можно купить не только элите, но и простым гражданам. Женщины стояли в очередях за подарками, икоркой, сухими колбасами, пенопластовыми дедами морозами, а мужчины были в поисках самой лучшей новогодней ели.

Но ему было не до елки сегодня. Как раз сегодня утром он искал топор в деревянном покосившемся дедовском сарае и наткнулся на старый отцовский чемодан. Теперь он сидел, закутавшись в старый ватник над городом на высоком бугру на лавке среди снежных сугробов и смотрел на суесящихся горожан. В задумчивости он снял потрепанную фуражку, хотя морозило, и запалил беломор. В ногах он держал коричневый чемодан. Окутывая вокруг себя клубами дыма, он думал, что делать с этим чемоданом дальше.

Давеча, когда он уже шел домой из сарая, то завидел несколько странно одетых мужчин в темных очках, движущихся в его сторону. Он стал двигаться быстрее, они ускорили, он почти перешел на бег, за ним пустились в погоню, злобно его окрикивая.

Он забежал в разрушенную многоэтажку и спрятался за стену. Перед ним показался один из преследовавших, моряк долго не стал думать и тут же опрокинул его на землю. На него сразу же налетел другой, преследуемый сгруппировался и перекинул его через спину. В заброску вбежал третий и достал Маузер, тогда стало понятно, что это точно враги, хотя

осталось еще более непонятным, откуда они вообще взялись. Моряк, конечно, не растерялся и выбил ногой оружие, затем прямой открытой ладонью нанес сокрушительный удар по горлу, отрубивший нападавшего на длительное время.

***

Мужик в шапке снял шапку и отворил дверь. На пороге стоял чисто одетый молодой человек в темных очках с какими-то импортными коробками.

С порога этот малый начал грузить какими-то странными схемами о покупках и подарках, попросился в туалет, потом попить воды, всё озирался по углам, будто чего-то искал, но так, видимо, и не увидел желаемого. Мужик в шапке отказался от всех возможных призов и подарков и выпроводил заносчивого торгаша за дверь.

Он явно что-то искал, но что можно было искать в забытой всеми коммуналке, где на полопанных кафельных стенах сушились одноразовые полиэтиленовые пакеты, было непонятно. Мужик открыл дверь в забитую пятью семьями кладовку, достать соленых огурцов, и взор его упал на десятую минутой ранее убранный потертый чемодан – а не его ли искал таргаш! Мужик положил его перед собою, щелкнул замки, и подняв крышку, заглянул внутрь.

***

Моряк выдымил почти всю пачку, наступала ночь, он во второй раз двинулся в сторону дома, родные уже беспокоились. На этот раз он пошёл по большой улице, где было пол-

но народу, затем сел на 155-й. Внутри было полно народу и душно, окна затянуло пеленой, моряк прислонился к холодному стеклу лбом и прикрыл глаза. Внимание его вернуло легкое дергание чемодана, который он держал между ног – гражданка напротив резко отпрянула рукой от ручной клади, будто и вовсе ее там не было. Может он и не понял бы, что это как раз именно эта барышня, но она была в темных очках. Моряк крепче сжал чемодан.

Теперь точно кому-то был нужен этот саквояж. Почему за ним охотились, а скорее, за потрепанным чемоданом, он никак понять не мог. Абсолютно ничего удивительного в его содержимом не было, но, видимо, кому-то оно понадобилось.

***

Промыв ссадины, спортивный уселся на допотопный диван. Они с рыжебородым верзилкой заехали в свое потайное место – старый покосившийся дом в дальней забытой деревне, которую последняя бабка покинула больше десяти лет назад, перед этим строго на строго приказав всем долго жить. Бородатый что-то раскладывал по сумкам; спортивный подкидывал дрова в печку.

Надо было переждать до темноты и выдвигаться в город – оставалась последняя часть плана и всё – всё по-новому.

Солнце вплотную подобралось к горизонту и еле пробивалось через небесную пелену – они вышли из покосившейся избы и направились к машине. Рыжебородый уже уселся

на пассажирское место, Спортивный окинул взглядом старый дедовский дом и заметил свежие следы у почерневшего, вросшего глубоко в землю, дровяного сарая – замка не было, дверь болталась на единственной петле, – кому там что понадобилось, не понятно, – одни гнилые поленья. Спортивный развернулся, сел за руль и тронулся.

В городе ничего не изменилось, все так же автолюбители откапывали свой транспорт из метровых сугробов. Спортивный подвез товарища до гаража, тот выгрузил сумки и напомнил, чтоб через три часа не забыть за ним вернуться. Рулевой отправился в сторону дома ждать.

Он зашел в подъезд и, проходя мимо почтовых ящиков, увидел кучу квитков. Он достал их и, ругаясь, начал пересматривать счета. Он уже пересмотрел всё, но снизу оставалось еще что-то. Старая советская новогодняя открытка со зверятами, снегуркой и дедом Морозом – у него точно в детстве такая была! Он перевернул открытку, сзади как будто знакомым почерком было написано:

– Буду ждать у школы в полночь!

***

Новый Дворец Культуры в самом центре города весь нарядили всевозможными новогодними украшениями.

От него, через площадь, тянулись в три ряда двух- и трехэтажные городские дома. В широких витринах булочных и кондитерских стояли нарядные новогодние елки. Окна магазинов и ресторанов сверкали разноцветными гирляндами.

Подоконники мастерских, часовых, портных и парикмахерских украшал искусственный снег со снежинками и зимними фигурками всевозможных сказочных персонажей. Внутри на благоухающих елях, стоящих в ведрах с водой или песком, висели красочные флажки и открытки, картонные разноцветные домики, гигантские конфеты, шары из папье-маше, блестящий дождик из фольги разных цветов.

А за всем этим новогодним великолепием раскинулся большой Октябрьский городской парк.

Моряк пересек барачные двухэтажные квартиры, мало по мало в это время года, но всё же украшенные на праздничный лад, и оказался с тыльной стороны парка. Перелез через ограду и двинулся в сторону сверкающей большими разноцветными лампочками ёлке, вокруг которой залили каток. Он ни сколько не сомневался, что чемодан преследуют, может в его подшивке были зашиты какие-то редкие драгоценности или ценные бумаги, – очкастая баба из автобуса мелькала сзади между домами, мол, ее никто не видит. На катке было полно народу, моряк пустился в круговорот весело катящихся за ручку молодых пар, в этот момент, с другого угла парка к преследованию присоединился утренний ганс с товарищем маузером и направился наперерез чемоданчику.

Преследуемый обогнул ёлку и устремился по длинной аллее, ведущей к центральной входной парковой колоннаде, украшенной по обеим сторонам вереницей разноцветных шаров, растянувшихся через всю аллею на чугунных фонар-

ных столбах. И вот уже за ним следовали трое.

Выйдя из парка, моряк оказался на оживленной торговой улице и сразу же юркнул в подарочную лавку. Большое количество полок по стенам помогло ему сбить с толку одного из преследователей, которого он ловко нейтрализовал хлороформом – откуда у него взялся хлороформ? – и посадил сидеть в углу в кресло между набитыми ватой медведями в красных шапках.

Он вновь оказался на улице, прямо перед ним стояли преследователи, но взять его последи толпы народу, конечно, не решались. Моряк двинулся на противоположную сторону улицы и на этот раз забежал в небольшую рабочую столовую, которая сейчас, в принципе, как и всегда, была переполнена. Он молниеносно очутился на кухне, но перед ним уже материализовался ганс – завязалась тихая борьба, – распугать людей в обеденном зале было просто недопустимо. Пару тупых ударов чугунной сковородой по жбану и боковой удар ладонью по сопатке, – преследуемый отрубился и был спрятан в ближайшем шкафу. Как странно, что на кухне никого не было.

Из преследуемых осталась одна дама. Она рассматривала новогодние украшения в витринах магазинчиков, но моряка заметила. На этот раз ему пришлось посетить парикмахерскую, но здесь было, да в общем, как и везде, полно народу и он успел перебежать в текстильную мастерскую. Дама, побывав в парикмахерской, прихватила с собой опаску. Ма-

стерская была закрыта, но всё же двери были не заперты. В темном помещении можно было легко спрятаться среди пошитой одежды и полотен всевозможных тканей.

– Морячек, тебе некуда бежать, лучше отдай чемоданчик и больше нас никогда не увидишь! – позвякивая бритвой пропела дама.

Она прошла все ряды, но преследуемого нигде не было. Осталось одно маленькое подсобное помещение, дама подкралась, резко распахнула дверь, но в этот момент входная дверь распахнулась, и моряк выбежал наружу.

Дама в черных очках спрятала бритву и последовала за моряком. Он уже был у входа во Дворец Культуры, она было пустилась за ним, но вдруг заметила, что при нем никакого чемоданчика уже и не было!

– Обманул, мерзавец! – прошипела сквозь зубы дама и развернулась на поиски своих компаньонов.

***

– Я еще раз спрашиваю, что вы делали с половины четвертого до половины восьмого сегодняшнего дня? – совсем странный следователь ходил перед Мужиком в шапке, который снял шапку, сидевшем в наручниках за измусоленным письменным столом.

Отделение, тогда еще, милиции было заполнено жалующимися, пьяницами, дебоширами, их женами; женами и первых и вторых и третьих, – всё ходило ходуном; Мужик в шапке находился за мутным стеклом от всего этого, в, то ли, при-

емной, в, то ли, комнате, где принимают пищу.

Толстопузый милиционер пытался добиться от него информации, а какой, не мог понять, ни сам блюститель закона, ни Мужик в шапке.

– Я арестован? – задавал вопрос Мужик.

– Пока нет! – отвечал милиционер.

– Тогда, что я здесь делаю? – задавал следующий вопрос Мужик.

– Вы подходите под описание подозреваемого в преступлении! – еще раз отвечал милиционер.

– У вас нет доказательств, – заключал Мужик в шапке, – так как я давче после полудня прошелся за подарками, у меня чек имеется, затем в гаражи забежал к ребятам, буквально минут на двадцать, а затем пошёл домой, в общагу. Уж кто меня видел, что я там? Не знаю, все еще на работе! Но то, что я никуда не выходил оттуда до вашего прихода, это могут подтвердить те, кто не видел, что я выходил.

Милиционер не понял этого оборота.

– На улицах сейчас полно народу, полно знакомых, на лавке у подъезда и сейчас небось мужики вино пьют, поди у них и спроси, выходил я или нет! Еще, уже стемнело, пацан какой-то, торгаш, заходил: утюги, сковородки импортные предлагал, вот и он может подтвердить!

– Боюсь, мы его не разыщем, сейчас их море, его давно и след простыл! – отрицательно помотал головой милиционер.

– Объясните мне, что и где произошло? Я не совершал

абсолютно никаких преступлений, я рассказал всё, как было – обычный день, как у всех рабочих, ничего примечательного и интересного.

– Видите ли, – как будто замялся милиционер, – в данное время была украдена одна антикварная вещь, хранившаяся в семье уважаемого человека не одно поколение...

– Я не видел ни одной антикварной вещи за последние сто лет, – рассмеялся Мужик, – да и вообще сомневаюсь, что в нашей глухомани, такое водится!

Мужик в шапке одел шапку и вышел на улицу – без каких-либо доказательств, да и вообще, наверное, подозрений, его отпустили.

Начиналась метель.

Мужик закутался в свою перпердушку и пройдя через центр вышел на длинный мост через реку. Как прекрасно смотрелся город, раскинувшийся по высоким берегам, мерцающий редкими фонарями. Но с такого места, все равно их было много! А зимняя выюга превратила этот техногенный остров в загадочный сказочный мир. Мужик в шапке любовался предпраздничным скупым салютом и побрел дальше, домой, где его уже ждали и волновались родные.

Как же был связан приход торгаша, искавшего, по-видимому, чемодан и подозрение в краже антиквариата, возможно, чемодана?

Мужик в шапке уже давно перепрятал чемодан. В таком месте его никто не найдет. За это он был спокоен, а вот то,

как о нем так быстро узнали, как он к нему попал – беспокоило.

Он подошел к дому и поднял голову наверх. В его окнах горел свет. Он быстро поднялся в квартиры. Вошел внутрь, но вместо своих домашних увидел, как трое мужиков с топорами и кувалдами вскрывают пол.

Громилы завидели его и дернулись к дверям, но Мужик в шапке, сообразив, что жены с сыном дома нет, выбежал наружу, уже с чемоданом, который он все-таки успел уберечь от грабителей, пустился бежать.

***

Вот и закончилась новогодняя елка во Дворце Культуры. Зайчики в плюшевых костюмах отбегали вокруг разряженной пушистой ели. Клоуны отвеселили ребят. Певцы умолкли. Артисты-акробаты показали свои смертельные номера. Морозный Дед со Снегуркой поздравили всех с наступающим праздником и, сев с сани, двинулись дальше, навстречу Новому году.

Моряк с сыном прошлись после представления по сверкающему центральному парку и пошли домой.

Вот уже близилась полночь, когда моряк вышел из дому и направился на еще полную людьми пару часов назад торговую улицу. Теперь же здесь было тихо. Лишь редкие зеваки быстро проходили мимо, непременно желая хорошего наступающего года. В лавках было темно, только редкие огоньки на елочках мерцали, да уличные фонари отражались в вит-

ринах. Всё давно уж закрылось, но одна лишь дверь парикмахерской была открыта, туда и юркнул моряк.

– Володь, что случилось, зачем так поздно? – молодая девушка вздрогнула в кресле и проснулась.

– Поль, в порядке всё! – успокоил ее бархатным голосом и улыбнулся своей фирменной улыбкой моряк, – я днем у тебя схоронил тут чемоданчик, пришел вот забрать!

– Ох, ну хорошо, а то я думала, что за срочности, – Поля куталась в шаль, – братишка, ты смотри, чтоб все спокойно было.

– Всё в порядке, а будет еще лучше, – еще раз улыбнулся моряк и приподнял чемодан, – ложись спать, я побежал, еще есть кое какие дела.

Полина обняла моряка, заперла за ним дверь, погрузилась обратно в большое старое кресло и закуталась во всевозможные теплые тряпки.

На старой лодочной станции было тихо. Давно уже в это место не приходили корабли, а сама пристань теперь была вниз по течению реки ближе к центру города. Моряк простоял с четверть часа, задымил и вот к старой пристани причалила лодка, моряк быстро потушил папироску и выкинул окурочек, как будто чего-то забоялся.

***

Спортивный спустился вниз по лестнице. Уже было темно. Еще несколько часов оставалось подождать. Он решил пока закрыть странное дело с новогодней открыткой. Он

прыгнул в тачку, но не тут-то было. Машина не завелась. Он вылез из кабины, обошел тачку вокруг – тек бензин из магистрали. Как же это произошло? Он еще раз осмотрел машину и теперь заметил, что все четыре колеса прокололи. Ладно, до школы пять минут пешком, не замерзнуть. Кто же все-таки пропорол колеса и бензин? Никто же ведь не знал, что сегодня произошло!

И вот он стоит у дверей школы – хоть он и прожил здесь всю свою жизнь, и после школы жил здесь всё это время, но так близко к ней он с тех самых пор как выпустился не подходил. Какая-то приятная грусть нахлынула на него. А вот бы все вернуть! Уроки эти скучные. Сидел бы сейчас и слушал каждое слово каждой учительницы каждого предмета! А как же было весело бегать по коридорам на перемене друг за другом! Гоняли без устали в салочки, сифы, догонялки или как их там еще кто-где называли. В большой просторной столовой сидели на переменах и переглядывались с девчонками за соседними столиками, и еда всегда была такая вкусная. Чего стоил только черный чай один, с сахаром и лимоном. Действительно, говорят: школьные годы чудесные.

Забвенья Спортивного прервал Мужик в шапке. Он, рядом, так же облокотился на перила и уставился вдаль, держа в руках старый потертый чемодан.

– Я помню, когда я увидел это место впервые, – с какой-то немного грустью сказал Мужик в шапке, – тогда и асфальт вроде был другой, тогда и краска на фасадах была не та, что

сейчас, да и свет был другой, ламповый, не то что сейчас, кругом одни светодиоды, но чувства мои все те же, как и тогда.

Он передал Спортивному свой задрипанный чемодан и, нежно, положил руку ему на плечо:

– Что у на осталось то, кроме этого?

***

Ночью в старых сараях можно было спрятаться от кого и чего угодно. Мужик затопил буржуйку и присел напротив на вязанку березовых колотых поленьев. Он надеялся только на то, что домашние его уехали к бабкам в деревню, и преследователям до них не было никакого дела. Мороз крепчал, но чугунина быстро нагрелась и теперь Мужу было тепло – даже шапку снял. Идиллию огня в печи нарушил необычный звук. Он доносился из старого чемодана. Мужу, уже бывшему уснувшим, поставил чемодан перед собой, открыл его и стал вглядываться в яркое разноцветное свечение, исходящее от чемодана. Казалось, он слышал какие-то неразборчивые голоса оттуда, видел какие-то неясные образы, взгляд его становился всё яснее и яснее, будто он что-то начинал понимать. Почему же Моряк ему ничего сразу не сказал, наверное, не успел просто! Ясно же, что за ним тоже охотились, а в его Времени с преступниками дела решали коротко и ясно.

Мужик захлопнул чемодан и стал шариться по сторонам, в углу он нащупал полусгнивший мешок с макулатурой, нашёл там пожелтевшую советскую открытку и строительным

карандашом наскоро нацарапал несколько слов.

***

Из лодки вышел человек, одетый по моде двадцатых, а то и десятых годов, как во времена революции или гражданской войны. Он был примерно того же возраста, что и Моряк. Но последний, явно, считал его выше себя, что ли или, как бы, старше. Прибывший сел рядом попросил закурить. Почти трясущимися руками Моряк протянул спички и папироски. С полминуты глядел на курящего и все ж ки сам задымил.

– Я вижу, что ты уже почти всё понял, – тихо заговорил Человек, на что Моряк кивнул, – они не дадут нам спокойно отсидеться. Пока чемодан у нас, они будут гнаться за нами из Поколения в Поколение, пока не заберут всё, что у нас осталось, – Моряк кивал, – поэтому нам придётся прыгать бесконечно, чтобы постоянно сбивать их с толку. Нам легче, а им приходится тратить огромное количество энергии на прыжки, так что мы всегда на шаг впереди!

– Так это никогда не закончится? – и Моряк глубоко затянулся.

– Для меня уже закончилось, для тебя скоро закончится, – улыбнулся Человек, – а для них это бесконечный ужас, продолжающийся снова и снова. Для нас это всего несколько часов из жизни каждого из нас, но всю жизнь будет казаться, что это было только что и что это всё еще продолжается. Так устроено Время!

– Значит, они всё равно проиграют, – Моряк выкинул бычок.

– Да, но только если мы будем продолжать рождаться и продолжать передавать Их друг другу! – кивнул Человек, – только в этом и вся сложность, только вот не всегда мы можем вот так вот разговаривать и передавать детальную информацию! Ну ты и сам всё видел, всё знаешь! С того момента, как мы Их касаемся, мы переходим в состояние существования во всех видах Времени одновременно. Для нас, по сути, исчезают понятия: Прошлые, Настоящие, Будущее!

– Сейчас это называется Суперпозицией.

– Да, а потом, это называют Горизонтом Событий!

– Я чувствую, что я это все знаю, но этого же еще не было! – спокойно спросил Моряк.

– С каждым следующим проводником предыдущие приобретают всё больше знаний и информации. Да, ты прав, вроде этого еще не было, но мы это уже знаем. И когда появляется следующий, то мы все приобретаем новую информацию, но после этого у нас такое чувство, что мы ее знали всегда.

– А если с кем-то из нас что-то случится?

– А разве ты это видишь? – Моряк отрицательно махнул головой, – Мы стараемся не допускать этого, верно!

– Почему ты уже знаешь, что происходит после твоего прыжка сюда? Я же тебе еще ничего не сказал?

– Ну, через сто лет это называют квантовыми эффектами.

ми, – чуть язык не сломал, а Моряк прищурился, – ты после прыжка это поймешь.

Моряк еще раз кивнул и опять закурил, но на этот раз протянул без колебаний папироску и своему собеседнику.

– Эх отличный у вас табак – натуральный свежий! – закричал Человек.

– Да, а говорят всегда, что мол, раньше было лучше! – с улыбкой пожал плечами Моряк.

– Нееет! – с такой же улыбкой ответил Человек, – это пережитки старости, вот старики так всегда и говорят, а мы с тобой вечно будем молодыми!

Моряк посмотрел на мерцающий заснеженный город над рекой и засмеялся.

***

Спортивный спокойно поднялся на верхний этаж, зашел в квартирку, разделся, посидел немного в старом кресле на деревянных ножках, подошел к окну, посмотрел на заснеженный двор, затем достал из кладовой старую батину искусственную ёлку и приподнял крышку потрепанного чемодана. Перед ним заиграли яркие образы всех, кто бежит по ленте Времени и передает из рук в руки, наверное, самое ценное, что есть в жизни – счастье и радость. Глаза его постепенно наполнялись смыслом и осознанием.

Он открыл чемодан.

Внутри лежали стеклянные новогодние шары. Были здесь и капельки, и стеклянные бусы, и космические ракеты, сне-

гири, золотые шишки, даже редкие дореволюционные стеклянные игрушки, клоуны, снеговики, Деда Морозы, космонавты, кукурузки, всякие рабочие, луковички, ягоды, фрукты.

А посреди всего этого новогоднего великолепия – сверкающая красная звезда, точь в точь такая же как и яркие рубиновые звезды на высоких башнях Кремля.